

Андрей Кивинов
Роль второго плана

«Автор»

Кивинов А. В.

Роль второго плана / А. В. Кивинов — «Автор»,

Молодой опер Жора расследует дело об убийстве директора фабрики и... мечтает сняться в кино. И такой случай представляется. Правда, на роль второго плана. Но это мелочи, в сравнении с возможностью увидеть себя на экране. Однако жизнь неистощима на самые немыслимые сюрпризы. Приближается первый день съемок, а вместе с тем и осознание того, что убийство напрямую связано с финансированием картины. Выбор, который предстоит сделать Жоре, воистину труден.

© Кивинов А. В.

© Автор

Андрей Кивинов

Роль второго плана

Не устану повторять, как прекрасна наша милиция. Даже если в этом и так никто не сомневается. Но особенно прекрасен участковый инспектор Вася Рогов, спящий сейчас на скамеечке в коридоре, подложив под щечку форменную кепочку с кокардой. В нем прекрасно все – лицо, тело, душа, обмундирование, торчащее исподнее. И даже храп, местами напоминающий фонограмму фильма «Юрский парк», по-своему трогателен. А если не обращать внимания на терпкий запах носок, вызывающий у посторонних легкий рвотный рефлекс, то хоть Спилберга вызывай – снимать про участкового психологическую драму. Я в отделе не посторонний, у меня Васин вид не вызывает никаких рефлексов, поэтому, убрав с прохода его хромовые сапоги, неспешно направляюсь в свой кабинет. На часах восемь тридцать, сегодня я явился на службу на час раньше обычного, подготовить к отправке кое-какие бумаги. Привычной суеты еще нет, в отделе почти никого, а те, кто есть, смотрят в дежурной части видик, сплетничают о кадровых перестановках в министерстве и о женщинах. Да вот Рогов, прикорнувший в прохладном коридоре после ночного дежурства. Комната отдыха участковым не положена, в отделе тесновато, приходится использовать скамеечку. Паспортистка Тамара гремит ведрами в своей кладовой, готовясь вступить в неравный бой с накопившейся за сутки грязью. По утрам она подрабатывает уборщицей на пол ставки, основным же делом ее жизни является выдача паспортов трудящимся. Тамаре в районе полтинника, она веселая тетка, великолепно и с удовольствием ругающаяся матом. Как-то мой друг и любимый напарник Жора, маясь во время ночного дежурства от скуки, проник ко мне в кабинет и подвесил к люстре чучело мужчинки. Напугать решил. Думал, зайду утром и в штаны наложу со страху. Это ж не лень было набивать газетами мою старую куртку, брюки, натягивать на воздушный шарик парик, и водружать получившуюся конструкцию на люстру. Понимаю, Георгий натура творческая, а творчеству обязательно нужен выход, пускай даже такой, эксцентричный, но лучше б напарник по территории прогулялся, глядишь, ограбление какое-нибудь пресек. Я к подобным шуточкам давно привык и в обморок от них не падаю. В отличие от Тамары, по утрам моющей пол в наших кабинетах... Жора, видишь ли, про нее совсем забыл. Тамара, придя в сознание, высказала ему лучшее из своего многоступенчатого матерного запаса, и даже я, считающий себя знатоком в этой области, был искренне поражен ее мастерством. А что уж говорить о гражданах в коридоре, пришедших получать паспорта.

Кстати, прошедшей ночью по району дежурил именно Георгий, и, открывая сейчас дверь, я надеюсь, что в кабинете не ждет очередной сюрприз в виде, например, усопшей крысы на столе. Или петарды, привязанной к дверце сейфа. Любит напарник подобные «черные метки».

Меток не обнаруживается, на внутреннем фронте без перемен. Включаю автоответчик, подаренный отделу генеральным спонсором – частным предприятием «Снежок», безвозмездно, по договоренности с завхозом Гасановым, арендующим один из наших кабинетов. «Снежок» промышляет торговлей удобрениями и бытовой химией, иногда подкидывая нам на бедность бензин для машин, электробытовую технику и алкоголь к праздникам. Появились предприниматели не так давно, но мы уже ощутили их искреннюю заботу и любовь.

Ответчик шелкает, и я слышу собственный мягкий баритон. «Набран несуществующий номер, но если вы все же хотите что-либо сказать, можете сделать это после сигнала. Спасибо. Пи-и-и-и... Алло! Алло! Это Лабудянский Вениамин, здравствуйте. Я завтра хотел подъехать, в удобное для вас время. Я позвоню в десять утра. Спасибо.»

– Пожалуйста, – отвечаю я, проматываю ленту дальше, и, убедившись, что накануне вечером и сегодня ночью кроме Лабудянского мою персону никто не беспокоил, ставлю аппарат в

режим ожидания. Обычно сообщений гораздо больше, но вчера я засиделся до десяти и отвечал на звонки лично.

Вениамин Лабудянский – это подающий надежды молодой кинорежиссер. Как он их подает, не знаю, кроме пары рекламных роликов какого-то клея, он ничего пока не снял, но зато написал сценарий, копия которого валяется у меня в столе. «Занесенные снегом». Психологический боевик с элементами драмы. Лабудянский утверждает, что сценарий крут, тянет на какую-то «Нику», осталось лишь найти спонсора и снять картину. Я пока не успел оценить шедевр и узнать, кого и почему занесло снегом, хотя именно для этого режиссер и приволок мне свое творение месяц назад. Мол, есть пара эпизодов, связанных с работой органов правопорядка, и не хотелось бы допустить досадных оплошностей, ибо сам автор знаком с данной темой поверхностно. Вероятно, он звонил вчера узнать мнение. Черт, говорить ему, что руки не дошли, как-то неловко, хотя так оно на самом деле и есть. Мне с головой хватает чтения протоколов, заявлений, жалоб и приказов, какие уж тут сценарии. Но придется читать, раз обещал. Хотя можно обрадовать, что вещь действительно классная, никаких ошибок, Тарантино отдыхает. Пускай с Богом снимает. Тем более, пока спонсора нет, дальше разговоров дело не пойдет. Да, так и сделаю. Или Жоре отдам прочитать. Он кино страшно любит, особенно катастрофы и «ужастики». Мало ему в жизни и того и другого. А хрустальная мечта детства и зрелости – попасть на большой экран. На малый он уже разок угодил – заливал телезрителям «Криминальной хроники», как борется с наркоторговлей. Попросил при этом закрыть ему полосу глаза. «Стыдно людям в глаза глядеть?» – уточнил я. «Лучше иметь полосу на глазах, чем в углу фотокарточки», – резонно ответил он. Этим Жорин актерский опыт ограничился, но он упорно ждет своего часа, даже отправил на «Ленфильм» свой анфас и профиль.

С Лабудянским я познакомился, как это у нас, сыщиков и бывает, в ходе выполнения своих прямых обязанностей. Год назад квартиру режиссера обнесли, цинично выбив хилую дверь ногой. Я немедленно отреагировал, быстро выехал, качественно все запротоколировал, то есть, показал высокий профессиональный уровень. Вещички, правда, так и не нашлись, мы, увы, не всеильны, но надежду я не теряю, глядишь что-нибудь, когда-нибудь и отыщется. Режиссер время от времени навевается к нам, узнать о ходе расследования, я убеждаю его, что розыск активно ведется и преступник вот-вот приземлится на скамью подсудимых. Мы вместе обсуждаем смелые версии, чертим круг подозреваемых, планируем многоходовые комбинации. Хотя версия тут одна – дверная. Пожалел денег на нормальную дверь, вот и получай. И не вали теперь на злобных завистников таланта. Но я это режиссеру не говорю, чтобы не расстраивать. Каждый раз он уходит от меня с благодарностью во взгляде, стало быть, я свою продуктовую карточку, как говорил Жеглов, получаю не зря.

Я достаю из сейфа материалы, но подготовить их к отправке, похоже, не удастся. В кабинет заглядывает проснувшийся Георгий. Вероятно, услышал хлопок моей двери и решил отпартовать о событиях минувшей ночи. Ночь, судя по внешнему облику напарника, выдалась Варфоломеевской. Георгий похож на воробья, нечаянно угодившего в миксер. Больше тут добавить нечего, поэтому ограничусь сказанной метафорой.

– Здорово, – мрачно приветствует он, протягивая руку, – чего в такую рань приперся?

– Надо, – коротко отвечаю я, – Хотя не такая уж и рань. Что, разбудил?

– Не до сна... Мокруха у нас. Всю ночь с Васькой пахали.

– Раскрыли, надеюсь?

– Раскроешь такое... У нас не семь пятен во лбу.

Насчет «пятен» подмечено в «десятку».

– Рассказывай.

Георгий разминает немзыкальными пальцами сигарету, прикуривает.

– Директора фабрики хлопнули. По переработке бытовых отходов. Илья Сергеевич Бочкарев. Пивная фамилия. Сорок девять лет от роду. Прямо в адресе завалили. На Пескоструйной, пять.

– Заказуха?

– Хрен его разберет... Вообще то, не очень похоже. Статуэткой бронзовой по репе, прикинь? Два удара. Второй, наверно, контрольный. Жена обнаружила. В полночь из театра притащилась, а он в комнате, на полу. И статуэтка рядом. Тяжелая, блин. Баба голая со стрелой.

– Может, с веслом?

– Не, со стрелой. Сейчас, – Жора закатывает глаза под потолок, – «Дафна, пронзенная стрелой Эрота». Короче, «Дафной» по башке.

– Точно ли жена в театр ходила?

– Точно. Я проверил. Про отморозка какого-то спектакль. Из древнего Рима.

– Калигула.

– Да, про него, кажется... Она из дома в шесть вечера вышла, мужика еще не было, он раньше девяти никогда не приползает. Спектакль четыре часа идет. Я б столько не высидел, свалил бы в буфет, ей-богу.

Жора оглушительно чихает.

– О, верно сказал.

– Ты не отвлекайся на буфет. Они вдвоем живут?

– Дочка еще. Но она в Болгарии, в лагере пионерском. Или как там это сейчас называется... Короче, начальства понаехало, как обычно. Прокуратура, опера из Главка. Из убойного отдела. Понтовые все, на мизинцах. Они жену всю ночь кололи, а нас с Васькой на обход выперли. Как «шестерок» каких-то. А я чего, мальчик? Я шестой год землю топчу!... А там один молодой, длинный такой, с утиным носом, мне грузит – когда будешь на моем месте, тогда и команду. Я хотел ему резко возразить, да Васька удержал... Утконос... Вот мы до шести утра по подъездам и ползали, народ опрашивали – кто, чего видел.

Я представил, как в три ночи к мирно спящим обывателям являются Вася и Жора и сообщают, что в соседней квартире убийство. А потом задают наводящие вопросы. Чудесные впечатления.

– Ну, и кто, чего видел?

– Ничего не видели. Тетка с первого этажа сказала, терпила часов в десять приехал. Его на машине домой привозят. На лохматой «Волге». Без охраны. Все. Потом ни криков, ни ругани...

– Да, интересно... Директора фабрики – статуэткой. Новое слово в криминалистике. Вещички ушли какие-нибудь?

– Вроде нет. Бардак не нарушен.

Жора хотел сказать – порядок.

– Следы?

– Пальцев много, но пока не известно, чьи они. В том числе и на «Дафне» парочка. На полу ни фиги. Убийца в тапочках был, ну в смысле, переобулся, когда к Бочкареву заявился. Либо босиком. В комнате сидели, «Мартини» сосали, базарили. Но не добазарились. Не судьба.

Жора еще раз чихает, затем начинает смачно сморкаться в свой мятый платок-парашют. Разобравшись с соплями, делает глубокий вывод.

– Да, в общем, наверно... Я тебе больше скажу. «Мартини» нормальные мужики не пьют. Либо водку, либо коньяк. На худой конец сушнячок. «Мартини» – бабский напиток... Что жена говорит? В смысле версий?

– Она ревела больше. Милый, единственный, как я теперь без тебя?... На работу все валит. На фабрику. Гнилуха, мол, там у них. Третьего директора мочат.

– Ого. Тех тоже статуэтками?

– Нет. Первого взорвали в девяносто третьем, второго на улице расстреляли два года назад. Ничего пока не раскрыто. Теперь вот, Бочкарев. Как говорится, фабрика со славными трудовыми традициями.

– Никогда б не подумал, что переработка мусора такой криминальный бизнес. Чего там делить? Городские помойки?

– Мне это тоже непонятно. Фабрика загибается, доходов никаких, ничего на ней не перерабатывают. Зарплату работягам последний раз в прошлом апреле платили. Выживают за счет аренды.

– Это тоже жена сказала?

– Нет... Зам. Примчался среди ночи. Стонал, да охал. Версий, конечно, никаких не назвал. Мол, с фабрикой убийство никак не связано... «Крыши» братской нет, дескать, на мусор никто не претендует. Все они так говорят.

– Меня в этой истории больше всего «Дафна» смущает. Вот ты бы стал убивать директора фабрики статуэткой?

– Я б, конечно, застрелил. На худой конец, ножом пырнул, – простодушно отвечает Жорик.

– То-то и оно... Это в чистом виде бытовуха, с фабрикой вряд ли не связанная. Женой надо заниматься. Выяснить моральный климат в семье. Очень вовремя она в театр намылилась. Словно чуяла. Где ты видел жен, в одиночку блуждающих по театрам? Как у нее со внешним обликом?

– Высшая проба... Жанна Андреевна, хм... Ее Утконос сразу за плечико и в темный угол, а мне и поговорить не дали толком... Ну, гад... Меня до сих пор трясет, – Жора сжимает кулак, – ничего, посмотрим, кто раньше раскроет. Я ему еще утру носяру утиную.

– Мокрухи не наш профиль, Жор. Есть убойный отдел, пускай и кувыркается. Они люди опытные, грамотные...

– Я тебя умоляю! Этот грамотный двух слов связать не мог. Заладил заму, как петух: «Кто ваша крыша, кто ваша крыша?»... Только «мобилу» на веревочке крутит. Дурень. Мне аж за органы неудобно стало.

Вместо петуха Георгий имел в виду, конечно же, попугая. Не обращайтесь внимания, напарник в гневе.

– А профиль у нас один... Оклад только разный.

– И как ты собираешься раскрывать, если не секрет?

– Не знаю пока... Пускай Главк жену трясет, а я бы с зама начал. Не понравился он мне. На словах охает, а глазки бегают. Он ведь теперь основной на фабрике. Мотив – на лицо. А под бытовуху обставится самое милое дело. Эти штучки на всяких утконосов рассчитаны.

Да, видно конфликт с представителем управления получился у Георгия шумным, задев моего друга за живое.

– Алиби, кстати, у него нет... Я уточнил, между делом. Чушь какую-то несет.

– Ты считаешь, он собственноручно приложился?

Жора перемещается на стул, поближе ко мне.

– Нет, собственноручно... Естественно, сам. Выбрал момент, когда шеф один будет, и навернул «Дафной». Бочкарев легко мог проболтаться, что женушка намылилась в театр.

– И что ты предлагаешь?

– Для начала справочки о нем наведу. Что за кадр, откуда на фабрике взялся. Установочку сделаю в адресе, по учетам прокину. А через недельку сгоняем с тобой к нему на рабочее место. Без предупреждения. Посмотрим, удобно ли ему в новом кресле? И заодно покрутим.

Вот так, ненавязчиво, коллега втягивает меня в свою очередную авантюру. br? – Главк Жанной Андреевной увлекся. А зама покрутят так, для близиру. Формально. А мы с душой подойдем. Творчески, обстоятельно и вдумчиво...

Я согласен, что к заму надо подходить обстоятельно и вдумчиво. Но я очень хорошо знаю своего друга. В его понимании эти слова могут иметь несколько иной смысл. Нет, ничего противозаконного, не подумайте плохого про Георгия. Просто в последнее время он мне все больше напоминает героя пословицы, которого заставляли Богу молиться... Слишком много энергии, текущей не по тому руслу... С другой стороны, неплохо, что энергия еще сохранилась. Вон, Укушенный, вряд ли бы стал из-за «чужой» мокрухи так переживать. Да и я, если честно, тоже...

– Ну что, лады?

– Поглядим... Жор, ты, кажется, в кино хотел сняться? – я решил с убийства перепрыгнуть на искусство.

– Не откажусь, вообще то. А что за кино?

– Настоящее. На большом экране... У меня режиссер знакомый. Лабудянский. Вениамин Антонович. Могу познакомить. Он как раз фильм собирается снимать, актеров подбирает. Давай, словечко замолвлю.

– Ты серьезно?

– Никаких шуток. Все по взрослому. Камера! Мотор! Дубль семь, дробь два!

– Ладно. Только ты предупреди, что я не актер.

– Хороший опер, прежде всего, актер. Ты любому заслуженному фору дашь.

– Это верно. А про что фильм?

Я достаю из стола сценарий.

– Не знаю точно. Вроде драма. Или триллер. «Занесенные снегом». Вот, возьми, почитай. Тем более, ты сегодня выходной.

– Тут не до выходных, – тяжело вздыхает Георгий, но сценарий берет.

– Прочитай, а потом я тебя с Лабудянским сведу. Глядишь и найдет для тебя эпизодик. Главное, говори, сценарий классный, круче тучи и все такое. Будешь у нас кинозвездой. А хорошо сыграешь, может, еще куда пригласят. В сериал какой-нибудь, а то и снова на большой экран. Опять же, денег заплатят. \

– Ладно, договорились, – Георгий сворачивает «Занесенных» в трубочку, – Ко мне тут тоже один творюга приходил.

– Кто-кто?

– Творюга. Творческий работник. Композитор. На моей земле живет. Оперу написал. Про ментов. Типа, сейчас это модно, книги, кино есть, а оперы еще не было. Вот он и сбазал. А мне текст принес, чтоб я оценил, как профессионал. Говорит, если нормально, он Гергиеву покажет, чтоб тот ее в Мариинском поставил.

– Ну и как?

– Да бодяга полная... Партия допроса, ария явки с повинной. Хор братвы... Какой нормальный мент будет петь на допросе? «Скажи-и-и-те, кто при-и-и-шил жену-у-у-у...»

Как вы догадались, последнее Жора попытался спеть. Получилось плохо. Хотя, наверно, у Хворостовского вышло бы не лучше. Я представил последнего на сцене, в милицейской форме, с дубинкой в руках... А живенько, кстати.

За разговорами об искусстве незаметно пролетел остаток часа. Подготовить бумаги я не успел, и сейчас придется петь арию для Шишкина. Вообще-то, у Шишкина есть заместитель по оперативной работе, который и должен нас строить. Должен, но не строит. Потому что у него красивое имя. Вакансия. Уже как два месяца мы держим оборону без командира. Когда пришлют нового, неизвестно. Желающих не находится. Пост высок, а зарплата низка. Палыч вынужден был дать объявление в бесплатную рекламную газету. «Срочно требуется начальник уголовного розыска в территориальный отдел милиции. Желательно с опытом работы. Принимаются лица, не старше 45-ти лет, годные по состоянию здоровья. Интересная, почетная профессия, льготы. Бесплатный проезд, тел...» Про оклад Шишкин умолчал, боясь вспугнуть кан-

дидатов. Пока на объявление откликнулся лишь дважды судимый бродяга, якобы порвавший с темным прошлым. По понятным причинам его не приняли, несмотря на опыт. Когда Палыч выходной или отсыпается после дежурства, нами руководит зам по личному составу Стародуб Илья Ильич. Бывший замполит военно-морских сил. Капитан второго ранга в отставке, ныне майор милиции. Трюродный брат начальника какого-то отдела Главка. Тьфу-тьфу, не судим... И почти не пьет. Любит воинскую дисциплину, выправку и устав. Не очень любит милицию.

В кабинет виновато заглядывает проснувшийся Рогов. На щеке крабовидный отпечаток кокарды.

– Мужики, – растерянно хлопает глазами Василий, – вы моих сапог не брали?

Только тут я замечаю, что участковый бос.

– Они ж рядом с тобой стояли.

– Теперь уже не стоят... Сволочи, у своих воруют... Новые совсем, и года не относил.

– Да я на вас и не думаю...

– У Тамарки спроси. Она могла. Вася исчезает, проклиная судьбу. Звонит местный телефон. Это Шишкин. Зовет на утренний кофе.

– Андрюхин, ты пока про наши планы Палычу не говори... У меня и так восемь материалов на руках. Разорется еще. Сначала со своим дерьмом разберитесь, а потом в чужое лезьте. А я не люблю, когда на меня орут.

– Послушай, мерин. Объясни мне русским языком, какого черта ты свинтил целых восемь гаек с железнодорожных путей? Они что, золотые? Или ты не отвинчивал?

– Ну, было дело, отвинтил.

– Так зачем?

– Не нужны б были, не отвинчивал...

Перед Борькой Укушенным пускает слюни личность средних лет, чей процент содержания интеллекта в крови явно уступает содержанию алкоголя. Судя по разным ботинкам на ногах, он не разборчив в гардеробе, а подвальный запах указывает на среду обитания. Взгляд хмур, лицо выражает обиду. На Борькином столе сложена горка из здоровенных гаек, у основания которой рапорт об изъятии оных у сидящего напротив мужика. Борька сегодня разбирается с задержанными, я заглянул к нему, забрать станок для подшивки бумаг, но, заинтересовавшись беседой, решил немного задержаться.

– Так, зачем нужны, объясни? – продолжает дознание Борис.

– Мы их в приемный пункт сдаем. Как металлолом.

– Кто это – мы?

– Мы, народ... Мужики местные, то есть.

– Ты чего мне тут гонишь?! Какой еще металлолом? Ты дураком то не прикидывайся! Гайка железная, а принимают только цветные металлы!

– Клянусь, в натуре, не вру! Отродясь не врал, – бормочет мужик, сверкая набежавшей в левом глазу слезой, – сейчас все берут. И медь, и латунь и железо. А гайки очень удобно собирать. Они маленькие, а весу много. Опять таки, дырка в середине, можно типа, на веревочку нанизывать... Это только дураки одну медь собирают, ну, так дуракам закон не писан...

– Я не понял, ты это серьезно?

– Конечно. Одна гайка весит больше десяти пивных баночек. Правда, железо дешевле, но если гек сто скрутить...

– Да что ты из меня идиота делаешь, мудило грешное? Ты не врубаешься, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди постовой, поезд под откос загремел бы! Сколько людей могло погибнуть! Ты же их и убил бы...

Наваждение... Не может быть. Это я самому себе. Кажется, я проходил этот диалог в школе... Написано больше ста лет назад. Якобы с натуры. Чеховым...

– Упаси Боже, товарищ начальник! – мужик с силой стучит себя в грудь кулаком, – я чего, мокрушник какой? Да, сидел, но за воровство! А чтоб убивать, так и мыслей таких в голове не было! Что вы! Отвечаю!

Отчего ж, по-твоему, происходит крушение поездов? Отвинти пару гаек – и кердык!

Мужик недоверчиво смотрит на Борьку.

– Да ладно... Уж сколько отвинчиваем, и никакого крушения. Ежели б я рельсу унес или бревно поперек пути положил, ну тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то – гайка.

– А чем, интересно рельса к шпале крепится? Дерьмом собачим?

Это уже не Чехов.

– Мы ж не все гайки свинчиваем... Понимаем.

– Короче, ты меня утомил, – Борька сгребает гайки и заворачивает их в рапорт, – теперь понятно, почему у нас поезда с рельсов сходят.

– На то вы здесь и посажены, чтобы понимать... Не то что, постовой. Хрясь дубинкой по спине, и за шиворот. Ты сначала разберись, а потом дубинкой бей. Прошу записать в протокол – два раза дубинкой по зубам. И в грудянку.

– Я тебе сейчас добавлю. Пошли в камеру.

– Как это в камеру?... Мне на рынок надо! Рябой два червонца должен. Сегодня срок.

– Будет тебе срок. Большой и толстый...

Я забираю станок и покидаю кабинет. Да, слышал бы Антон Палыч... Порадовался бы.

В коридоре натыкаюсь на Георгия.

– О, Андрюха, вот ты где. Ну, что, едем?

– Куда?

– Как куда? На фабрику, к заму. Мы ж договорились еще неделю назад.

– Уже прошла неделя?

– Ты заработался... Давай, я жду на улице. Палыч тачку всего на пол часа дал, обратно придется своим ходом.

Я не помню, чтоб мы договаривались с Жорой о поездке, у меня свои планы, но он все равно не отвяжется, проще, действительно съездить.

– Хорошо, я сейчас.

Погода задалась сегодня на славу. За бортом УАЗика двадцать два тепла, легкий зюйд зюйд-вест, и ни облачка на горизонте. Через сорок минут будем на месте, если не застрянем в пробке. Фабрика раскинулась на одном из живописных островков Финского залива, где, собственно, кроме фабрики ничего больше и нет. Водитель Серега по обыкновению матерится на «чайников», но мы увлечены беседой и внимания на него не обращаем. Георгий выкладывает мне собранную о заме информацию. Шилов Рудольф Аркадьевич, сорок восьмой год, то есть не мальчик, живет с женой и дочкой в трехкомнатной квартире с удобствами. Ревнив, но до драк дело не доходит. Соседи его не любят, потому что в долг никогда не дает. Не пьет, не курит, не судим. Вновь вспоминается Антон Палыч. «Ежели человек не пьет и не курит, поневоле задумаешься, не сволочь ли?...». Дочка Катя – студентка Института культуры, но культуры ей это не добавляет. Как клеила «Орбит» на стены, так и клеит. Говорят, хороша собой. На выданье. Характер гоношистый. Жена трудится в туристической фирме, продавая курсовки. Семья не бедствует, нажила серебристый «Фольксваген» позапрошлого года выпуска и участок под Всеволожском. Короче, семейка как семейка, без выпендрежа.

На фабрике Шилов три года, до этого занимался наукой в оборонном «ящике», пока один из покойных ныне директоров не пригласил его главным инженером. Буквально перед убийством последнего шефа, Рудольф Аркадьевич стал замом, а сейчас, соответственно исполняющим обязанности. То есть, теоретически, повод устранить начальника у него имелся. Нам

остался сущий пустяк – на практике доказать, что Шилов воплотил теорию в жизнь, точнее в смерть.

– Ну, и что ты хочешь у него выяснить? – спрашиваю я Георгия.

– Пускай свои соображения выложит. Версии, то есть. А мы послушаем, покиваем...

Главное, понять – при делах он или нет. Это сразу видно будет. У меня на это нюх. Как у собаки.

Едва мы переезжаем мост, на нас обрушивается слезоточивая вонь, исходящая от фабричных стен. Смесь конюшни и морга. Прошибает сильнее нашей «Черемухи». Оружие массового поражения. Водитель Серега морщится и зажимает рот.

– Дальше не поеду. Мне за вредность не платят.

– Нам тоже, – сообщает Георгий, – Брось увиливать. Потерпевших не выбирают. Не так уж и шмонит, кстати. Трупом недельной давности. Не Кристиан Диор, конечно.

Остров и сама фабрика производят удручающее впечатление. Источник зловония обнаруживается слева от ворот. Огромная гора мусора, огороженная проволочным забором. Чехов, без сомнения, описал бы окружающую среду более красочно, я же ограничусь модным словом – отстой. Полная и безоговорочная капитуляция. Надо предложить Лабудянскому натуру для сцены ужаса, если таковая имеется в сценарии. Кстати, о сценарии. Вениамин Антонович заскочит за ним вечерком.

– Ты сценарий прочитал?

– Прочитал.

– Ну и как? Кого там снегом занесло?

– Я, если честно, не понял... Там хлопец один из Чечни возвращается.

Крыша у него немножко поехавши. Синдром. А в городе, где он живет, братва беспредельничает. Друга детства замочили, пока пацан в Чечне воевал. Он к ментам сначала. Мол, нашли убийцу или нет? Те, как водится, купленные на корню. Отфутболили парня. Он к братве, типа, давайте разберемся. Братва тоже его послала – вали, а то и тебя загасим. Ну, пацан разозлился, купил у «черных землекопов» «шмайсер», пару лимонок и давай всех подряд валить. И ментов и бандитов. Трупов двадцать я насчитал, замучаешься оформлять. Навалил и свалил с телкой в Штаты. Да еще общак с собой прихватил. В общем, ничего, конечно, но с ментами Лабудянский переборщил. Мало того, что ляпов выше головы, так еще козлами всех сделал. Ты скажи ему, что так не бывает. Хоть один, но нормальный должен быть. Оперок какой-нибудь, например...

– Я вас познакомлю, ты ему сам и скажи. Может, ты этого оперка и сыграешь. Кстати, он к семи в отдел притащится, с Шиловым не затягивай.

За пол часа разобравшись на проходной с охранником, сидящим в противогазе, мы поднимаемся на второй этаж управления и находим кабинет зама. Как оказалось, он еще не переместился в апартаменты своего покойного шефа, те опечатаны, и без разрешения прокуратуры их посещать категорически не рекомендовано. Рудольф Аркадьевич на месте, и не придется его ждать. Секретарша (без противогаза) докладывает шефу о высоких гостях, и, получив добро, открывает двери.

– Пожалуйста.

Внешность у зама интеллигентная, а вовсе не козлиная, как утверждал Георгий. Черты благородны, несмотря на легкую одутловатость. Гардероб безупречен, ногти ухожены. Я слышал, многие гиганты индустрии на Западе в рекламных целях делают лицом своей компании какую-нибудь выдающуюся личность. Рудольф Аркадьевич, без сомнения, лицо мусороперерабатывающей промышленности. Дородный мужчишка. Смесь Пирса Броснана и Никиты Михалкова.

В кабинете пахнет горной лавандой, и я, наконец, перестаю плакать. Кондиционер с осветителем. Обстановка типовая, без излишеств типа аквариумов с пираньями или статуй оголенных дев. На столе маленькая модель кучки мусора, с воткнутой в нее авторучкой. Сразу

чувствуется, что к отходам Шилов относится трепетно, с теплотой, то есть профессионально. Кроме макета я примечаю фото в рамке. Портрет молодой дамы в красном. Вероятно, дочка. Пошла в папу. В смысле внешности, а не призвания. Смесь Софи Марсо и Анюты Курниковой.

После первого часа беседы с замом ничего принципиально нового мы не узнаем. Шилов гоняет воздух, жалуясь на тяжелое положение фабрики, на политику городских властей в части переработки мусора, на невозможность жить так дальше и прочие ужасы, которые мы и так видим каждый день по телевизору. Жора, возможно, не видит, он с неподдельным интересом слушает и сочувственно кивает головой в такт жалобам, не задавая не единого вопроса. О, сразу оговорюсь, один удивительный факт я все же выяснил. Никто из Главка с Рудольфом Аркадьевичем пока не общался, мы с Жорой первые представители спецслужб, с которыми он встречается после того злополучного вечера. Правда, в его отсутствие приезжал кто-то из прокуратуры, изъял бумаги из кабинета Бочкарева, а сам кабинет опечатал. А из Главка ни-ни. Подозреваю, что Утконос включил зама в длительную, глубокую разработку и сейчас утверждает ее план у вышестоящего руководства.

Завершив трагический монолог о судьбе мусора в России, Шилов смотрит на нас через толстые линзы своих очков.

– Так я пока главного не понял, – Жора достает из нагрудного кармана авторучку, – кто убил вашего директора? Или хотя бы за что? У вас есть предположения?

Зам зачем-то тоже достает ручку, словно сам собрался записывать свои ответы.

О, блин, нормально! Признаться честно... Отличная преамбула. Третьего директора убивают, а он не представляет, что сказать. По ошибке, наверное, валят. Или маньяк. Я называю это доверительными отношениями!

– Вряд ли это связано с фабрикой... Да вы сами все прекрасно видите!

– Рудольф Аркадьевич затягивает прежнюю песню, – работает один цех по распилке древесины, да заводоуправление. Вон, куча у ворот третий год, извиняюсь, воняет, разобрать не можем. Седьмой месяц на картотеке, люди не получали жалованье с прошлого года. Сводим концы с концами, только потому, что сдаем в аренду несколько помещений. Остальные корпуса пустуют. Громадная ошибка, что в свое время фабрику приватизировали и отказались от бюджетного финансирования... Посудите сами, ну кто будет убивать директора из-за совершенно убыточного предприятия? Да и таким циничным способом!

– Простите, лично вы, когда получали в последний раз жалованье? – уточняет Георгий.

– Ну, видите ли, – исполняющий обязанности в настоящую секунду смахивает на перепутавшего мужской туалет с женским, – у руководства отдельная графа заработной платы.

Научно это называется – социальная несправедливость. Древесину пилят одни, жалованье получают другие. Менгура, кстати, более совершенна. Вкальывает меньшинство, но получают все. Но речь сейчас не об этом, вернемся на игровое поле.

– И неплохая, судя по всему графа, – комментирует Жора ответ Шилова, – иначе, какого рожна вы тут забыли?

– Дело же не в окладе... Это сложно объяснить. Может, будет громко сказано, но... Кто, если не я? Да, время тяжелое, но мы не сдаемся, пытаемся хоть что-то сделать. Иначе город просто утонет в отходах. Свалки не бездонны, они растут как опухоль... Говорят, у вас тоже не сладко, но вы же не уходите... Хотя мне иногда хочется на все махнуть рукой и убежать отсюда к чертовой матери!

«На дачу под Всеволожск», – заканчиваю я про себя мысль Рудольфа Аркадьевича.

– Значит, вы уверены, что убийство не связано с фабрикой? – продолжает настаивать Георгий.

– Сейчас уверенным быть нельзя ни в чем. Но, никаких веских причин для убийства я не вижу. Мы же не нефтеперерабатывающий завод и не ликероводочный. Делить здесь абсолютно нечего.

– Но, простите, трех директоров на тот свет уже отправили! – не выдерживаю я, – вы не боитесь стать четвертым?

– Типун вам на язык, молодой человек, – стучит по деревянному столу Шилов, – Почти все предприятия пережили подобное. Что поделатъ, закономерность нашего скорбного времени.

– Поясните, не сочтите за труд.

– Ивана Михайловича, насколько я в курсе, убили, когда началась приватизация. Я тогда не работал на фабрике. В то время предприятие еще процветало и представляло интерес для определенных кругов. В итоге кресло директора занял некий Карпец, человек совершенно от мусора далекий, а от его переработки еще дальше. Вскоре поняв, что фабрика не приносит никакой прибыли, а наоборот, явно убыточна, он принялся вкладывать активы в различные пирамиды, надеясь хоть таким образом поправить положение. Едва активы сошли на ноль, Аркадий Борисович тоже погиб. Теперь вот, Илья Сергеевич. Как это, не прискорбно, но подобные явления происходили почти на любом городском предприятии.

– Лично вы ладили с Бочкаревым?

– Конечно. Хотя у него был иной взгляд на выход из кризиса. Мы часто спорили из-за этого, но всегда корректно и по-деловому.

Лучше б взяли по лопате, да кучу убрали. А спорить – не лопатой махать.

– Что же касается отношений вне работы, – продолжает Шилов, – то они прекрасны. Мы с супругой частенько бывали у Ильи в гостях, ездили вместе за город на шашлыки. Они с Жанной приезжали к нам на дачу. Никаких конфликтов.

Картинка лубочная. Шашлыки на природе.

– А как у него с женой? В смысле личной жизни? Это между нами. Без протокола.

К слову сказать, никакого протокола мы и так не ведем.

– По-моему, это идеальная пара, хотя Жанна на пятнадцать лет младше. У них чудесная дочь. Боже мой, она, ведь, ничего еще не знает... Жанна не хочет портить ей отдых.

Входит секретарша, неся на подносе фарфоровый чайник и три чашки. Наконец-то догадались кофейком угостить проголодавшихся бойцов незримого фронта.

– Спасибо, Машенька, – Рудольф Аркадьевич берет чашку, – прошу. Чай, кофе.

Мы не заставляем себя уговаривать. Георгий провожает Машеньку подозрительным взглядом, нацеленным ниже ватерлинии, и возвращается к прежней теме, помешивая ложечкой в чашке.

– Интересную закономерность я наблюдаю в нашем, отдельно взятом государстве. Убивают в большинстве исключительно безпроблемных граждан. Я не беру в расчет погибших при ограблениях или по пьяному делу. А как какой директор попадетсЯ или президент, только и слышишь – все было в порядке, все было замечательно, не житуха, а курорт. И за что ж тогда статуей по голове?

– Я не могу даже предположить! – оправдывается Рудольф Аркадьевич, – Илья Сергеевич ни разу не жаловался, что ему угрожает опасность! Согласен, просто так не убивают, но я уже сказал...

– Извините, но пока вы ничего не сказали, – перебивает Жора, – кстати, о вас. Напомните, чем вы занимались в тот день?

Да, возможно, Георгий был прав, подозревая зама. Слишком резкая перемена в его облике приключилась после последнего вопроса. Нет, волосы, конечно, не зашевелились, пальцы не задрожали, и пот не выступил на высоком челе. И продолжал он сидеть в кресле, как и сидел и улыбался по-прежнему... Но... Не та это улыбочка, что была секунду назад. И не тот это Рудольф Аркадьевич.

– Но, я ж уже объяснял... С утра я находился на фабрике, в семь вечера уехал по делам.

– По каким делам? – прицепился напарник.

– Ну, я сейчас уже точно не помню... Сначала заскочил на заправку, потом в магазин запчастей. На Кантемировский. Хочу поменять левую рессору на машине.

– Там это смогут подтвердить?

– Не уверен... Неделя прошла, и я там ничего не купил. Не было у них рессоры.

– Хорошо, дальше...

– Дальше? Дальше? – Шилов начинает барабанить авторучкой по столу в режиме швейной машинки, – Послушайте, а почему вы этим интересуетесь? Это мое личное дело, где я был и что делал! К смерти Ильи Сергеевича я не имею никакого отношения!

– А вот это, Рудольф Аркадьевич, судить не вам.

– Что значит, не мне? Если я знаю, что я не при чем.

– Увы, этого не знаем мы. Так, где вы были в тот вечер?

– Какая разница?! Допустим, в ресторане. Неужели вы думаете, что пойдя на такое, я не обеспечил бы алиби?!

– В каком ресторане? – не унимается Жора.

– Хорошо! На Невском! Там было много народа, меня никто не запомнил! Устраивает?

– Вполне, – заступаюсь я за позеленевшего заместителя, ибо дальнейшие вопросы на тему алиби бессмысленны. Алиби нет.

– Бочкарев говорил вам, что его жена собиралась в театр? – Жора решил зайти с другого фланга.

Глупый вопрос. После прокола с алиби, только идиот ответит утвердительно.

– Да говорил. Если не ошибаюсь, на «Калигулу». Идиот.

– Когда и где он это сказал?

– На совещании. Утром. Кто-то случайно заговорил о театре, Илья Сергеевич и упомянул.

Не идиот. Потому что, есть свидетели разговора. Да, Рудольф Аркадьевич, да ты не прости. Я киваю напарнику на дверь, мол, пора убираться восвояси. И так сколько времени угрохали. В отделе ждут материалы, которые в мусор не выкинешь. (Хотя, добрую половину следовало бы). Жора улавливает мой знак, ставит чашку на край стола и поднимается со стула.

– Хорошо. Не будем вас задерживать.

Что ни говори, а любит напарник слегка покаламбурить. «Не будем задерживать». Хорошо, не «арестовывать»... Ну, хорошо, не будем. Всему свое время.

– Да, вот еще что, – вспоминает Георгий, – нам бы в кабинет Бочкарева заглянуть. Так, для внешнего осмотра.

– Но он опечатан. И там уже нечего смотреть.

– Смотреть всегда есть что. Давайте ключ. Или он тоже в прокуратуре?

– У Маши есть второй, но...

– Пойдемте.

– Машенька, подай господам ключ от кабинета Ильи Сергеевича, – велит Шилов, вышедший за нами.

Приказ выполняется без отрыва от макияжа. Похоже, авторитетом Рудольф Аркадьевич у секретаря не пользуется. «Ну, как ваш шеф? Да уж, скорей бы...» Жора безжалостно срывает прокурорские нашлапки, комкает и бросает их на пол. Отворяет дверь. В угол срывается крыса и ныряет под плинтусом. Бедное животное. Мечтало пожить. Да уже нечем! Пусто! Все изъято в интересах следствия. Даже жалюзи с окон. В столы и шкафы соваться бесполезно, это мы с Жорой понимаем сразу. Еще бы, в прокуратуре не дураки – любая бумажка может вывести на след преступника, не говоря уже о телефонных аппаратах и телевизоре, антенна к которому сиротливо свисает с потолка.

– А холодильник-то где?! – заглядывает в кабинет Рудольф Аркадьевич, явно не знакомый с особенностями национального уголовного процесса.

– Тайна следствия, – отвечает напарник, – не волнуйтесь. Ничего не пропадет.

Это точно, не пропадет. Вот вернется ли, сказать уверенно нельзя. Георгий секунду-другую обыскивает глазами пустоту, замечает что-то в районе директорского стола. Подходит, нагибается, приподнимает его ножку. На полу кругляшок, по размерам чуть больше пятирублевой монеты.

– Что там? – я сгораю от нетерпения.

– Казино «Бармалей». Жетон. Стол качается, вот и подложили. Увы, это все, что у нас осталось, – напарник прячет находку в нагрудный карман, – повезло, что стол не пролазит в дверь. Рудольф Аркадьевич, а что, Илья Сергеевич любил побаловаться рулеточкой?

На лице Шилова вновь налет смятения.

– Не знаю... На... Наверно.

– Ладно, закрывайте.

– Простите, а если спросят, кто сорвал пломбы?

– Валите на крыс. Я смотрю, их тут у вас много...

Вечереет. Мы с Укушенным стоим на остановке в ожидании общественного транспорта. Рабочий день позади, осталось пара часов на личную жизнь, потратить которые надо с умом. Жора остался в отделе беседовать с Лабудянским, объяснять ему тонкости милицейского ремесла. А заодно и напроситься в эпизод. Для чего предусмотрительно куплена бутылка коньячного напитка и лимончик. Надеюсь, творческий вечер пойдет на пользу обоим. Борька едет домой, Лидуся, его ревнивая супруга не принимает оправданий вроде «оперативная необходимость», «засада» или «ненормированный рабочий день». Это Шишкина можно дурачить, а Лидуся «прокачивает» грамотно, не хуже бойцов «СМЕРША» из «Моменты истины». Поэтому Укушенный не рискует.

Автобуса на горизонте не видно, мы закуриваем, нанося очередной удар по легким. Рядом с остановкой уличный холодильник под зонтиком. Девушка – продавец вяленым голо-сом предлагает прохожим товар.

– Пельмени, пельмени... Блинчики... Пельмени.

Товар расходуется плохо, девушке явно не хватает рыночной хватки.

– Борь, пельмени не нужны?

– Нет, Лидка сама валяет. Жалко, Жоры нет, он их любит.

Я улыбаюсь, вспомнив, как однажды напарник проголодался во время дежурства и решил подкрепиться пельмешками. Сбегал, купил. Отварить не успел, привезли задержанного с поличным квартирника. Допрос длился часа два, после чего Георгий решил вернуться к трапезе. Поставил кастрюлю на плитку, сунулся в пакет, а пельмешек и след простыл. Только тут мой друг почувствовал вкус перца на языке. Оказалось, что, увлекшись допросом, он сгрыз их замороженными, по одной выуживая из пакета, словно карамельки. Я называю это призыванием.

К продавщице подваливает молодой короткошерстный крепыш с незатейливой внешностью, характерной для низшего звена организованных бандформирований. За спиной розочка, на лице улыбка.

– Привет, Надюх.

– Привет.

– Это тебе, – розочка втыкается в стойку с ценниками.

– Спасибо, Паш. Красивая.

– Ну, дык! Как торговля?

– Плохо. Все в универсаме закупаются, сюда уже полные приходят. А шеф вечером нака-тывает – мало продала, мало продала... А что мне, застрелиться, чтоб покупателя заманить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.